

Лицо номера

Уже более тридцати лет все знают Геннадия Хазанова как блестящего артиста. Причем, если не считать его нескольких ролей в кино и драматических спектаклях, жанр, в котором он работает, предполагает, если так можно выразиться, — одиноличность. И вдруг год с небольшим назад он добровольно соглашается на несколько необычную для себя роль — становится художественным руководителем Театра Эстрады. О том, как он чувствует себя в ней, мы и попросили его рассказать нашим читателям.

ХАЗАНОВ В НОВОМ АМПУЛА

Геннадий Викторович, Вам — популярному артисту, судя по довольно частому появлению на телеэкране, работы вполне хватало. Что же заставило Вас взвалить на себя бремя художественного руководителя Театра Эстрады?

— Действительно, телевизионные записи и мое участие в некоторых творческих акциях могут создать такое впечатление. Однако в этом есть немного легенды, и если мы возьмем любой месяц прошлого года и день за днем пройдемся по нему, то Вы убедитесь, что актерской работы, то есть самого выхода на сцену, у меня не так уж и много. По сравнению с прошлым временем нагрузка уменьшилась во много раз.

— С чем это связано?

— Во-первых, раньше эстрадный концерт был одним из редких видов развлечения в нашей советской жизни. Сейчас ситуация в корне изменилась. Во-вторых, если в прежние времена билет в Театр Эстрады стоил два рубля и для семьи с доходом в 300 рублей поход мужа с женой в театр составлял одну семьдесят пятую часть семейного бюджета, то, скажите, каким же сегодня должен быть доход семьи, чтобы цена билета составляла его одну семьдесят пятую часть?

Сегодня выезжаешь на гастроли, к примеру, в Курск всего на один концерт. Максимум на два. И это уже дикое напряжение для города. Многомиллионный Киев больше двух концертов не берет.

— И Вы решили попробовать себя в новой ипостаси?

— У меня такой характер, что я просто должен чем-то себя загружать. В этой должности у меня появилась возможность реализовать не только свои актерские, но и организаторские способности, а также разрабатывать концептуальные решения.

— Соглашаясь на пост художественного руководителя, Вы понимали, что руководство любым, особенно творческим коллективом будет связано с какими-то трениями и конфликтами?

— Конечно. Я очень не люблю конфликты, но по гороскопам я Стрелец и Петух, а это говорит о том, что я по природе своей — правдолюбец и к цели иду не изощренными путями, а более прямой дорогой, чем порой требуется.

Поскольку прямая — это кратчайшее расстояние между двумя точками, мне кажется, что гораздо проще всем объяснить, почему я так считаю и действую, чем идти извилистой дорожкой. К сожалению, эта позиция не всех устраивает. Хитрить, обманывать и усыплять бдительность я пока не научился и думаю, что в связи с этим конфликтных ситуаций у меня будет достаточно.

Но мне к этому не привыкать — я вырос на конфликтном тренинге. Правда, это было связано с застойным периодом: с определенным уровнем власти имущих людей, с идеологией, рабским способом мышления, цензурой.

— Насколько я знаю, Вы даже с КГБ имели конфликт из-за монолога «Боец невидимого фронта». Сейчас просто диву даешься, что в нем можно было усмотреть политически опасного.

— Их очень задело, что какой-то воинствующий молокосос позволил себе с эстрады, как мне сказали, все упоминать имя этой организации.

— Неужели у них начисто отсутствовало чувство юмора?

— По этому поводу не могу ничего сказать. Кто-то посмотрел, кому-то позвонил и сказал: разберитесь с этим делом, а задно и с тем, что он вообще себе позволяет. Ведет себя кое-как. Надо ему показать, где он живет.

Вполне нормальные действия идеологического отдела спецслужб.

— Это имело какие-нибудь последствия?

— Некоторое время я был безработным, почти на год меня лишили телеэфира. Но, ей-богу, все это мне кажется такой мелочью.

— Но тогда-то Вы, наверное, так не думали?

— Да и тогда это не было трагедией. Более того, эти акции дали колоссальный толчок моей популярности. Ведь в России всегда любили гонимых и делали из них мучеников.

— Вам приходилось для достижения каких-нибудь целей пользоваться своей популярностью?

— Много раз, и признаюсь, делаю это по сей день. Используя неплохое ко мне отношение, я имею возможность как-то помогать людям.

— Финансовыми делами в театре Вам приходится заниматься?

— Финансами занимается директор, но сегодня все творческие вопросы настолько тесно связаны с ними, что одно без другого совсем не может существовать. Именно на этой почве родился конфликт с музыкантами оркестра Театра Эстрады.

Представляете, мы дожили до потрясающего времени, когда гораздо проще платить зарплату и премии людям за то, что они не выходят на сцену. Ведь для того, чтобы они вышли на сцену, нужно специально выискивать исполнителя, которому они будут аккомпанировать. Но все исполнители, на которых сейчас ходит публика, имеют своих музыкантов или, по крайней мере, оркестровую фо-

нограмму. Им не нужен оркестр Театра Эстрады.

Мы продолжаем жить какими-то иллюзиями и не понимаем, что происходит на самом деле. Все время пытаемся вытаскивать советское время и наложить его на сегодняшнюю жизнь.

Я точно знаю: сборные эстрадные концерты — изобретение советского времени — сейчас являются глубочайшим анахронизмом, и никаких перспектив в том виде, в котором они существовали, у них нет.

Думаю, что достоин занесения в «Книгу рекордов Гиннесса» факт, что на концерт 15 мая 1995 года в Театре Эстрады, вмещающем 1380 зрителей, было

С женой Златой.

продано 13 билетов. И это не единичный случай, это тенденция. Сейчас совершенно другое время. Сегодня в Москве более десяти телеканалов, а видеорынок таков, что просто жизни не хватит пересмотреть все, что он предлагает.

— А Вы не думали попробовать поискать новые формы подачи эстрадного зрелища? Нечто вроде знаменитых и достаточно успешно существующих французских театров-варьете «Мулен руж» и «Лидо».

— Почему не думал? Я с этой идеей сюда пришел. Но помещение театра — это часть знаменитого дома на набережной, то есть это не отдельно стоящее здание, которое можно перестраивать. Его нельзя увеличить ни вверх, ни влево, ни вправо. Никуда! Это бывший клуб Совета министров. А что такое «Мулен руж»? Что такое «Лидо»? Это прежде всего великолепно технически оснащенные сценические площадки, дающие возможность для самых невероятных и фантастических трюков и эффектов.

Лицо номера

Я сломал себе голову, думая об этом. Но внутренние резервы помещения не позволяют произвести полноценную реконструкцию. Таковую, чтобы зрители от удивления рты пооткрывали. И это только одна сторона дела. Другая — опять-таки финансы.

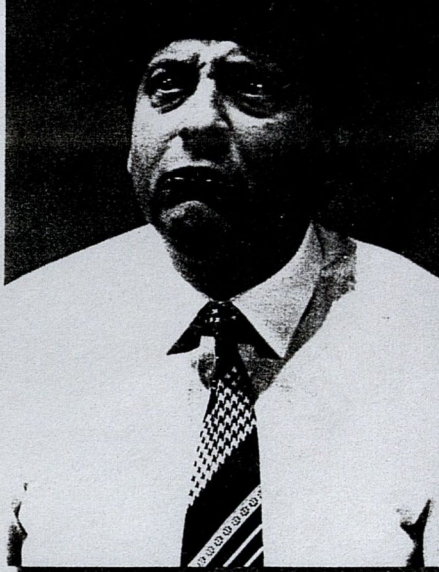
— Инвесторов не найти?

— А инвестор — что, должен просто отдать собственные деньги?

— Почему отдать? Вложить, а в дальнейшем получить свою долю прибыли.

— Секундочку. Наш театр — муниципальный. Это государственное учреждение. Кто же будет в государственное учреждение вкладывать собственные деньги? Но даже если театр может быть передан в управление инвесторам, надо понимать, что просто так деловые люди денег не выбрасывают. Они говорят: давайте посчитаем, составим бизнес-план. И выясняется, что только в техническую реконструкцию необходимо вложить несколько десятков миллионов долларов. Затем еще черт его знает сколько в создание программы. Возникает вопрос: сколько же должен будет стоить билет и сколько людей их купят? И в результате всех этих математических расчетов становится ясно: эти деньги никогда не возвратятся.

Город же сейчас помочь не в состоянии, у него и без этого проблем хватает, и я очень хорошо понимаю, что просить деньги на реконструкцию в настоящее время просто бессовестно.

тебя малогабаритная квартира, то и мебель ты покупаешь, сообразуясь с ее размером.

Когда я это понял, то успокоился. Мне стало гораздо проще. Я стал понимать, что могу, а чего — нет. А это очень большое дело — понять, что в твоих силах, чтобы не заниматься самообманом, а вследствие этого — не обманывать других.

— То, что Вы на сцене театра стали давать антрепризные спектакли, дает повод Вашим недоброжелателям говорить, что Вы, во-первых, делаете из Театра Эстрады очередной драматический; во-вторых, из-за высокой, как правило, цены билетов на

Так что в своих планах и задумках приходится отталкиваться от нынешних технических и пространственных возможностей театра. Что поделать? Если у

коммерческие антрепризные спектакли делаете театр недоступным для простой публики; и, наконец, лично играя в этих спектаклях, Вы делаете это для себя.

— Досужие разговоры будут все равно, что бы я ни делал. Сам факт моего нахождения на этом посту является для многих очень сильным раздражителем.

Что касается превращения театра в очередной драматический — это абсолютная неправда. Каждую неделю по пятницам, субботам и воскресеньям у нас идут мероприятия (мне очень нравится это слово), которые называют эстрадой. И если бы сегодня у меня было тридцать эстрадных мероприятий, на которые ломился бы зритель, я был бы счастлив.

По поводу недоступности спектаклей для широкой публики скажу, что у нас на спектакле «Ужин с дураком» есть восемнадцать ценовых поясов, и если кто-то хочет сидеть в первом ряду и иметь именной билет — пожалуйста, пусть платит. Но у нас есть билеты и по двадцать рублей, что на сегодняшний день эквивалентно стоимости гамбургера.

А в своем участии в спектакле я не вижу никакого криминала. Что здесь тако-

го? Я постоянно говорю, что готов в ноги поклониться человеку, который придет ко мне с проектом, способным заполнить зрительный зал.

— Геннадий Викторович, что доставляет Вам больше удовлетворения: участие в драматическом спектакле или Ваше традиционное амбула?

не расскажу. Какие же это приметы, если о них все узнают?

— В недавнем интервью нашему журналу Александр Пороховщиков сказал, что при всем уважении к таланту артистов, работающих в юмористическом жанре, он считает, что сейчас совсем неподходящее время для того, чтобы хохмить со сцены. Что Вы скажете по этому поводу?

— Я прекрасно понимаю, о чем он говорит и что скрывается за этими словами. Он не против смеха, он против того, чтобы горе становилось его объектом. Иначе это перерастает в злорадство. Недопустима злая радость по поводу того, что все так плохо.

— Это немного разные вещи. В спектакле у меня есть возможность другой формы существования на сцене. И в данный момент, признаюсь, даже более для меня интересной. Человек должен все сделать для того, чтобы попытаться использовать себя максимально.

— В театре Вы работаете с режиссером, а при подготовке монологов пользуетесь их помощью?

— Уже десять лет никаких пересечений с режиссерами в моей профессии эстрадного артиста нет. Сам себе режиссер.

— Ваши монологи, как правило, довольно объемные. Легко ли Вам удерживать их в голове?

— С некоторым сожалением должен констатировать, что раньше это было проще. Правда, чтобы обезопасить себя от досадных недоразумений, я стал выходить на сцену, имея в руках текст. Ничего страшного в этом нет. Я вспоминаю, как Святослав Теофилович Рихтер ставил перед собой ноты, но вовсе не для того, чтобы не отрываться от них, а чтобы чувствовать себя спокойнее.

— Люди часто отождествляют личность актера с его героями, а работающим в юмористическом жанре приписывают те же свойства в быту. Какой Вы на самом деле?

— Я всегда отвечаю: какое это имеет значение? Когда хирург встает к операционному столу, не имеет никакого значения, любит он дома с ножом играть или нет. Это дело моих родных и близких. Я хочу, чтобы люди судили обо мне по тому, что я делаю на сцене, а все остальное — это мое. Личная жизнь потому и называется личной.

— Вы суеверный человек?

— Очень. Но о своих приметах я Вам

И я с ним абсолютно согласен. Более того, с этим и связано мое стремление уйти в спектакли, уйти в область чувства.

Пороховщиков закладывает в свои слова смысл: дайте сострадание. Сострадание необходимо всегда, но сейчас особенно.

Если раньше мы находились в закрытой и жестко структурированной цензурной жизни и официальная пропаганда нам с утра до ночи говорила, как все замечательно и прекрасно, то когда на сцену выходил человек и говорил, что не все так прекрасно, — его язвительность воспринималась как глоток свежего воздуха в этой атмосфере затхлой лжи. Сегодня картина кардинально поменялась, просто переехала на другой полюс. С утра до ночи нам твердят: все плохо, все ужасно. Да мы и сами видим, как оно на самом деле. Что же еще по этому поводу юморить?

Поэтому сегодня, как никогда, актуально, что же именно становится объектом смеха. И если в смешном виде будет показан человек, который пытается доказать свою значимость тем, что жрет половниками черную икру, ничего плохого в таком смехе нет, потому что этот смех дает возможность человеку, которому сегодня еле-еле хватает денег на лекарства, понять, что не в черной икре счастье.

Так что гуманность смеха на сегодняшний день становится во главу угла.

Фото Льва ШЕРСТЕННИКОВА
и Бориса КУДРЯВОВА

Международная ежемесячная газета

**СОВЕРШЕННО
СЕКРЕТНО**

По оценкам независимых экспертов — единственная газета, которая своими расследованиями реально влияет на российскую политику: Мы раскрываем тайны прошлого и настоящего, думая о будущем.

ПОДПИСНОЙ ИНДЕКС

32209